

Проза

“Американка”

- Ребята! Атас! Жилина! – Юрка Лещинский отпрянул от игроков и растянулся на песке, прикинувшись разомлевшим на солнце.

- Да ладно тебе! – отмахнулся Валерка Козлов. – Будет она таскаться по кустам, чтобы нас застукать. Не дура же она, в конце концов! Твой ход, Лёва!

Но Лёвка аккуратно вернул свои карты в колоду и медленно поднялся: к ним, в самом деле, приближалась, шумно пыхтя, дородная русичка Валентина Георгиевна Жилина.

- Ты это точно заметил, Козлов: не дура. Только я не таскаюсь по кустам, а отдыхаю, у меня-то сегодня нет уроков. А вот вы, я вижу, резвитесь вовсю. Что у вас сейчас по расписанию, Кухарев?

- Два белорусских и химия, Валентина Георгиевна. Скучи-ища!

- Не повод, чтобы сбежать на Березину, да ещё и играть в азартные игры. И это три потенциальных медалиста: Кухарев, Турагин, Горин! А что здесь делают девочки из 10-А? Спивак, я к тебе обращаюсь!

Гибкая, изящная Маша Спивак отряхнула налипший на колени и локти песок и встала перед учительницей. Та уставилась налившимися вдруг кровью глазами на ложбинку между чашечками её купальника и завизжала:

- И не мешало бы тебе прикрыться! Стыдно!!

Маша вспыхнула, но не стушевалась. Глядя русичке прямо в глаза, смущённо сказала:

- Я и сама давно это заметила: полнею, оплываю. Стыдно людям на глаза показаться. Я – прикроюсь.

Молодая учительница, прелести которой выпирали из тесного купального костюма, одарила стройную десятиклассницу свирепым взглядом, но мудро перевела конфликт на другие рельсы:

- Ну, а кто из вас зачинщик? Не скажете, конечно. Я всё равно узнаю. Слабо признаться?

- Это была моя идея, Валентина Георгиевна, – сказал Козлов, обезоруживая её своей простодушной улыбкой. – Такая весна, такое солнышко! Когда ещё сможем собраться вот так вместе! Уж Вы-то должны нас понять, сами недавно были, как мы.

Нехитрая лесть, как ни странно, сработала. Пробормотав ещё пару назидательных фраз, учительница величественно удалилась.

- Ну, Машка, плакала твоя пятёрка по русскому в аттестате! – деланно посочувствовала однокласснице Света Шatroва.

- Тебе-то что?

- За тебя переживаю. Уж так расстраиваюсь, что впору закурить. – И Света, довольная тем, что оказалась в центре внимания, извлекла из ранца пачку сигарет с нерусским названием и, подражая кому-то из заграничного фильма, постучала по ней ногтем.

- Где достала? – с уважительной завистью спросил Юрка Лещинский, восхищённый совершенно неординарными действиями провинциальной выпускницы 65-го года.

- У латыша-волейболиста, – лениво ответила Света, поглядывая на притихших мальчиков. – И не более, чем за один поцелуй. Поищи там у меня в ранце спички!

- Бедняжка-волейболист, – пробормотал Валерка как бы про себя. – Я слышал, что целовать курящую женщину так же невкусно, как, скажем, облизывать пепельницу.

- Что делать!? – лицемерно вздохнула Света, неумело затягиваясь. – Я уж бросала, броса-ала, но не получается: втянулась, привыкла. От этого не просто отказаться.

- Так откажись не просто, – посоветовал Артур Дрибин. – Откажись со значением, сделай зарубку, так, чтобы нарушить решение значило – преступить. Притуши, например, последнюю сигарету о собственную руку, если, конечно, осмелишься. Захочешь закурить опять – вспомнишь, как было больно.

Света притворно задумалась. Роль заблудшей овцы нравилась ей всё больше. Мысленно она сладко поёживалась под внимательными взглядами одноклассников. Приняв озабоченный вид, пробормотала: - Боли-то я не боюсь, здесь, видимо, нужна зарубка иная, чтобы совесть не позволила нарушить зарок. Разве что действительно притушить последнюю сигарету... не на своей руке.

- Ну-у, мать! – разочарованно протянул Лещинский. – Кто же тебе подставит руку. Да и духу не хватит: жечь человека сигаретой. Уж лучше кури себе на здоровье.

Но Шатрова, видно, завелась. Её лицо пошло розовыми пятнами, полные губы подрагивали. В классе её почему-то не любили. Годами копившаяся обида прорвалась вдруг нелепым желанием досадить «им всем», любой ценой. Она вскинула голову:

- Это у меня не хватит духу!? Готова спорить на «американку», самую тяжёлую, без условий. Ну, кто смелый?

Юра опасливо отодвинулся: - Да ну тебя, психиня! Пойди лучше окунись, остынь. - Но она и не глянула на него. Её больше занимали эти четверо, игравших в «дурачка»: Вася Кухарев, Лёвка, Саша Горин, Козлов. Ей казалось, что предстоящая «взрослая» жизнь поставит между ними высокий барьер. Их успехи и достижения – и её тоскливые будни. И что при всех усилиях она не станет своей среди них. В то время, как эти сучки, Машка и Люся Кузнецова... Она решительно шагнула к мальчишкам:

- Ну так что, всем слабо, как говорит Жилина? Кто готов поспорить? Ты! – Она обратилась к Саше Горину и протянула ему руку. – Ты, рыцарь из Ламанча, неужто не спасёшь одноклассницу от пагубной привычки, как спас бы, скажем, некую девицу из класса «А»? Ну, спорим?!

- Санька, не соглашайся! Она хочет проиграть и затащить тебя в кусты, чтобы потом ты на ней женился, как честный человек, – ёрничал Лещинский, но вдруг запнулся: Маша шлёпнула его ладошкой по голому животу. Горин пожал плечами и нерешительно коснулся Светкиной руки:

- Чёрт с тобой, зануда, спорим. Когда будешь меня жечь?

- Кто сказал, что тебя? – Света быстро шагнула в сторону и, оказавшись перед Васей Кухаревым, приложила горящий конец сигареты к его груди и повернула, как это делают курильщики, гася окурки. И в то же мгновение Люда Кузнецова схватила её за плечи, развернула и влепила пощёчину с такой неожиданной для этой худенькой блондинки силой, что Света, некрасиво раскорячившись, шлёпнулась на песок. Но её уже никто не видел: все заморожено наблюдали, как на Васиной груди медленно вздувается безобразный волдырь. Вася сдул с обожжённого места остатки табака и пепла, наклонился, поднял с песка заграничный окурочек и, прикинув на глаз размер, заявил: - Калибр пять-пятьдесят шесть, значит, когда здесь появится белый круглый шрам, буду врать девушкам про бандитскую пулю. –

Люда осторожно, кончиками пальцев, счищала грязь вокруг волдыря. Шатрова поднялась, пошатываясь. Левая её щека горела, но она торжествующе улыбнулась Саше Горину:

- Я выиграла?

- Угу. Гони желание.

- Куда мне спешить. Есть блюда, которые хороши только в холодном виде. А курить я сегодня бросила навсегда. Юрка, можешь взять всю пачку себе!

Телефон заходиллся короткими злыми трелями. Не проснувшись окончательно, Алекс потянулся к нему через Юлино плечо, тумбочка была на её стороне. «Международный, что ли, что так надрывается?» – подумал он.

- Ну, суббота же! Ну, что за наглость! – жалобно сказала жена, обхватив его тёплыми руками и мешая дотянуться до трубки. Осторожно перекатившись через неё, не преминув коснуться губами заспанного лица, он взял аппарат и пошлёпал босиком по холодному полу в другую комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

- Кен! – сказал он в трубку на иврите (что-то вроде: да, слушаю).

- Какой Кен! – ответил нетерпеливо резкий женский голос. – Какой Кен, мне нужен Саша Горин!

- Это я.

- Ну, слава Богу! – вздохнула собеседница. – Я уж испугалась, что звоню зря. Знаешь, как это сейчас дорого! Не узнаёшь, конечно. Но я не обижаюсь – столько лет! Это Света, твоя одноклассница. Которой ты кое-что должен. Если не забыл.

- Сейчас вспомнил. А за все эти годы, признаться, ни разу. Ты уж прости. Так надумала желание за тридцать пять лет?

- Хочу в Европу. Хоть на неделю. – Её голос был одновременно и наглым, и неуверенным. В нём были слышны и надежда, и покорная готовность к отказу. И уж совсем жалобно она добавила: – Жизнь уходит, Сашенька, а ничегошеньки в ней не было.

Эта вот жалоба и определила его ответ.

- Ладно, я куплю тебе тур по Европе. Это меня не разорит. Давай свои координаты!

- Не-ет, Горин! Хочу туда с тобой. Что я там буду делать одна! И языков не знаю.

- Ну, это ты загнула, матушка! Я-то тебе зачем. Мы разве были дружны?

- Не нужна мне ничья дружба! Я – сама по себе. Ты мне нужен как гид. Без секса, можешь не беспокоиться.

Алекс задумался на секунду. В её наглости было даже что-то трогательное. Потом... странное совпадение: через несколько дней ему всё равно ехать в Голландию. Ну и «американка»-таки проиграна, долги надо платить.

- Диктуй адрес. Я высылаю билет. Хлопочи себе визу, и через десять дней я встречу тебя в аэропорту в Амстердаме. Голландия устроит для начала?

- Разве что для начала.

Беседа за столом не клеилась. Не мудрено: публика не понимала, зачем собралась. Ну, день рождения у Светки, так их было не менее тридцати пяти после окончания школы, что ж она никого не звала раньше! Пять первых лет –

да, собирались каждый год в августе, но сейчас – апрель, а Маша Спивак вообще не из нашего класса, она из 10-А. С другой стороны, почему бы не посидеть, не выпить. Юрий Лещинский, благообразный мужчина с русой бородкой, толкнул локтем лысого Артура: - Давай, доктор, ещё по маленькой! Медицина не запрещает?»

- Даже рекомендует. Ну, Светка, ещё раз – с днём рождения!

- Спасибо-спасибо! Я так рада вас у себя видеть. Жаль, что не многие собрались, хотя, кое-кто, – здесь она сделала эффектную паузу, – кое-кто поздравил меня даже из-за бугра.

- Ребята, ура! – заорал неугомонный Лещинский. – Билл Клинтон поздравляет Светку и приглашает её на Майами-бич!

Шатрова лениво, по-кошачьи, потянулась и, поглядывая искоса на Машу, промурлыкала:

- Ну, скажем, не Клинтон, а всего лишь Саша Горин, и не на Майами, а в Амстердам. Но всё равно приятно. – И она пустила по рукам билет.

- Слушай, здесь что-то не то, – заявил Артур, как всегда, прямой. – Он же тебя в те наши времена в упор не видел.

- Ошибаешься, и вот этому доказательство. – Света помахала билетом. – Просто мы не афишировали наши отношения. – И она широко улыбнулась побледневшей Маше.

Посидели ещё часок. Света, успевшая где-то что-то почитать об Амстердаме, с уверенностью эксперта намечала места, которые они посетят в первую очередь. «Если, конечно, Сашенька не будет против: у нас не всегда совпадают вкусы». Она цвела, читая зависть во взглядах ровесников. Из всех собравшихся, только Артур, доктор Дрибин, побывал за границей, навещал родственников в Израиле, но никогда не делился впечатлениями. Он, кстати, был своеобразным исключением в этой группе приглашённых на день рождения: такой островок семейного благополучия среди разведённых, усталых, сильно потрепанных жизнью, как, впрочем, и сама именинница.

Что-то объявили, на табло замигала картинка, намекающая, что неплохо бы пристегнуть ремни, и у Светы вдруг вспотели ладони. «Так быстро долетели. А что, если не встретит?» Соседка, понимающая по-немецки, мотнула головой:

- Это мы просто попали в турбуленцию, до посадки – не менее часа. Но я прекрасно понимаю Ваше нетерпение и ужасно Вам завидую: скоро вы обнимете любимого человека, которого ждали тридцать лет. Ради таких

минут стоит жить. Я так желаю Вам, Светочка, чтобы окупилась для Вас эти годы верности! Но Вы же не сразу объявите ему, что у него есть дочь?

- Если увижу, что он любит меня, как когда-то, – потупилась верная Света, чуть не до слёз растроганная собственной ложью.

Пройдя с грехом пополам паспортный контроль (перебрав несколько языков, чиновник отчаянно махнул рукой и, шлёпнув печать, пропустил) и выхватив на карусели свой коричневый чемодан, Светлана вышла в зал для прилетающих в аэропорт Схипхол. Вдруг с ужасом подумала, что если Горин и здесь, то она не представляет, как он выглядит. Лысый и толстый? Ну, и ладно бы: она тоже не модель. Растерянно оглядев зал и не заметив никого, хотя бы отдалённо знакомого, она медленно пошла вперёд. «Не встретил, сволочь!» – слёзы обильно текли по щекам, мешая смотреть перед собой. Шла, пока не уткнулась лицом кому-то в грудь.

- Ну-у, матухна, так заганарылася, што землякоу не пазнаеш! – смеялся незнакомый мужчина, взяв её за плечи. Ни за что не узнала бы в нём Сашу Горина.

- Як жа тэбе пазнаеш, калі ты такі гладкі, – в тон ответила она. Страх исчез мгновенно.

- А ты присмотрись. – Он взял в ладони её лицо и приблизил своё, на котором она сквозь слёзы не смогла рассмотреть ни мелких морщинок на лбу и возле глаз, ни намечающихся вертикальных складок у рта.

- Ну, не поумнел! Как же я рассмотрю вблизи. Не знаешь о такой вещи, как возрастная дальнозоркость?

- Как трогательно! – защebetала появившаяся вдруг возле них давешняя соседка по самолёту, явно восхищённая увиденным: Светкино лицо в ладонях встретившего её мужчины. – Он любит Вас, я вижу. Расскажите ему всё-всё!!! – и она упорхнула. Дура доверчивая. Влезла не по делу!

Алекс, казалось, не обратил внимания на инцидент. Взял у Светы чемодан и повёл её через огромный зал к небольшому кафе.

- Давай спланируем дальнейшие действия, – сказал, усадив на высокий стул и заказав кофе с мороженым.

- Расставим точки над «i» с самого начала, подруга. Люблю я тебя, как ты понимаешь, не совсем так, как показалось той даме возле таможни. Меня мало волнует, что ты сочинила ей и что расскажешь одноклассникам. Но наше с тобой недельное здесь пребывание хотел бы обставить комфортно. Условимся: я не строю из себя всемогущего буржуа-благотелья, а ты не врешь, не соблазняешь меня и просто получаешь удовольствие от пребывания в Европе, поверь, есть от чего. Идёт?

Света кивнула. Как время меняет людей! От этого незнакомого Саши веяло спокойной уверенностью, которой доселе она не встречала в мужчинах. А уж ей-то опыта не занимать-стать. Ну, и Горин! Ничего себе донкихотик ламанчский. На такого мельниц не напасёшься. А Машка! – Ох, дура.

- Ну, и славно, – продолжал Алекс. Сейчас едем в город, пройдемся по Амстердаму пешком, пообедаем на канале Сингл в старом центре и поедем через всю страну на юг, в Хельмонд. Это крохотный городок на юге, мне надо завершить там работу. У меня прекрасный вид из гостиницы: замок пятнадцатого века, канал, мост. Смотримся в немецкий ресторан, экзотики ради, заглянем в соборы, помолимся их лютеранскому богу в кирхе.

Он говорил легко, не подбирая слова, не вставляя иностранные, словно не уехал тринадцать или сколько там лет тому назад. У неё возникло вдруг ощущение покоя, впервые за много лет кто-то за неё решал, взял на себя заботу о ней, всего на неделю, но хоть это. Мороженое было удивительно вкусным, подражая Алексу, она запивала его горячим кофе, наслаждаясь резкими перепадами температуры и вкуса...

- Какая машинища! Саша, это твоя?

- Нет, от конторы в Хельмонде, где я сейчас работаю. Для Амстердама она слишком громоздкая. Как ты скоро увидишь, здесь вообще предпочитают велосипед.

- Ну, и дураки! А чисто как, господи! Знаешь, когда я сейчас зашла в их туалет, то просто поразились, как чисто. И никакой вони. Погода здесь всегда такая серая? А люди не злые, несмотря на погоду.

Она бесхитростно делилась впечатлениями, любуясь незаметно его руками, спокойно лежащими на баранке, уверенностью, с которой он вёл тяжёлую машину. Достался же кому-то мужик! Кстати, кому?

Когда она спросила его о жене, он достал из кармана плоскую коробочку величиной с портсигар, раскрыл, нажал какие-то кнопки и протянул ей. С яркого цветного экрана улыбалась красивая, по-настоящему красивая молодая женщина.

- В правом нижнем углу – кнопка, чтобы листать, - сказал Алекс. Света коснулась кнопки, и картинка сменилась другой: та же женщина в обнимку с высокой девушкой, очень на неё похожей, на фоне синего моря и пальм.

- Это она с сестрой? – с надеждой спросила Света охрипшим голосом. Чёрт! Как непозволительно молодо она выглядит, эта дама на экране.

Алекс мельком взглянул:

- Наша дочка. Сейчас она в армии, оканчивает офицерские курсы. Типичный израильский ребёнок, своенравная, настырная. Сразу после двухлетней службы уехала на полгода в Южную Америку, что стоило нам с Юлей седых волос. Параллельно изучает в университете биофизику.

- Замужем?

- Ей всего двадцать три. У нас так рано не женятся. Успеет ещё.

Света кивнула. Конечно, успеет, куда спешить. Её дочка выскочила замуж в девятнадцать, в двадцать развелась, кукует теперь одна с ребёнком. Беспросвет. И сын... досидит срок – и куда пойдёт?

Алекс не спросил о её детях, и она вернулась, было, к фотографиям, но он протянул руку, не отрывая взгляда от дороги:

- Досмотришь потом, вечером. А пока смотри Голландию, она того стоит.

Велосипедов было великое множество, с седоками и без, прислонённых к стенам домов, к парапетам, к специальным стойкам. Они оставили машину и неспешно пошли к Flower market – Цветочному рынку, обтекаемые праздной толпой.

На шоссе номер два, ведущем на юг, они оказались далеко за полдень. Сначала молчали. Света притихла, переваривая впечатления, изредка отвлекаясь на мелькающие пейзажи. Плоская, изрезанная каналами страна была красива особой, неяркой прелестью. Мельницы казались неотъемлемой частью ландшафта. Алекс объяснил ей, что эти сооружения ничего не перемалывают, а разгоняют воду в каналах, чтобы не застаивалась.

Внимательно приглядевшись, Света отметила, что он выглядит совсем не так молодо, как ей показалось в аэропорту. Просто русые волосы скрадывают седину, но морщинки вокруг ярких голубых глаз кажутся белыми шрамами на загорелом лице, когда он не щурится. И очертания рта далеко не юношеские. Но при этом всё он даст лет пятнадцать форы любому из нас (она вдруг ощутила странную солидарность с оставшимися в Светлогорске одноклассниками, даже с ненавистной Машкой Спивак). А уж эта гладкая тёлка, его жена – все двадцать. Видно, не работает, стерва, крутится по спортзалам и салонам красоты.

- Саша, а чем она занимается, твоя Юля?

- Программистка. Закончила факультет математики БГУ и пыталась преподавать в израильской школе. Но после года этой каторги, когда она каждую ночь выплакивала мне на грудь по два ведра слёз, я уговорил её переквалифицироваться. Работает по десять часов в день, но довольна.

Хельмонд оказался пасторальным городком, утопающим в пробуждающейся зелени позднего апреля. В огромном зеркальном лобби

отеля «Вест Энд» Света ступала со своим коричневым чемоданчиком, но Горин провёл её к лифту уверенно и гордо, как голландскую королеву. Так ей показалось, он просто шёл с ней, не обращая внимания на шикарную публику, шикарную не только одеждой, как она поняла довольно скоро.

- Слу-ушай, Горин, эта вся роскошь – и тебе одному?! Ну-у зажрались! – уронив чемоданчик у входа, Света устремила к огромному окну, где, как на экране, сиял в свете уличных фонарей замок, отделённый от них каналом, в котором отражались его контуры и тени плакучих ив на берегу.

- Роскошь называется свита. Обычно я заказываю номера поскромнее. Платит контора, но не хочется нагнеть. А это – в честь твоего приезда: ещё одна спальня, ещё ванная. Дешевле, чем взять тебе отдельный номер.

- Боишься-таки, что буду тебя соблазнять, – начала она игриво и тут же запнулась, вспомнив фотографию. – Ой, это я машинально. Твоя Юлия выглядит раза в два моложе меня. Прости, Саша!

Его лицо потяжелело:

- Дело не в возрасте, Света. И – хватит об этом! Давай, располагайся, обдайся в душе, и поедем ужинать. В получасе езды отсюда – город Эйнховен. И там уютный ресторанчик в старом парке. Надеюсь, ты голодна?

Проснувшись в огромной, как аэродром, кровати, Светлана сладко потянулась, улыбаясь серому несмелому рассвету, просочившемуся в её комнату сквозь большое окно. Подумалось, что уже много-много лет не улыбалась, просыпаясь. К горлу подкатил ком. «Э, милая, да ты становишься слезливой», - сказала себе. Выглянув на улицу, разочарованно вздохнула: из её окна замок не виден, только кусочек моста над каналом и ряд плотно стоящих старинных зданий за зелёной стеной клёнов.

За завтраком Света, поощряемая смеющимися Алексом, набрала больше вкусностей, чем смогла одолеть. Сам он ел, как и намерен в немецком ресторане, удивительно мало. За кофе он сказал:

- Сейчас мы с тобой разбежимся, подруга. Да не подпрыгивай ты! Я тебя не бросаю. Просто я поспаю на работу, а ты – по магазинам: завтра едем в Париж, это всего четыре часа езды отсюда. У них там градуса на четыре теплее, чем в Голландии, вот соответственно и оденься.

- Сашенька, мне страшно! Я же глухонемая здесь. И денег у меня нет.

- Не трусь. Вот тебе карточка, а вот записка для продавцов. Начни с обуви; выбирая, поглядывай не на ровесниц, а на женщин лет на десять моложе. Увидишь, что умеет делать одежда. – Вручив ей мобильник и объяснив, как с ним связаться, Алекс вывел её на улицу и легонько толкнул в спину:

- Пошла-пошла, не урони честь 10-Б!

«Увидишь, что умеет делать одежда».. Кажется, Светлана поняла, что он имел в виду. Новое платье ластилось к ней через новое же бельё, туфельки несли её тело так, что она не узнавала собственной походки. А девочки в магазине её просто очаровали, несмотря на бесцеремонность, с которой они её вертели перед зеркалами, сдёргивая с неё одни тряпки и прикидывая другие, пока не остались довольны, что и выразили пулемётной очередью незнакомых слов.

Алекс почти не обратил внимания на новый наряд и новую в нём Светлану. Отыскав её в парке по звонку из мобильного и вернувшись с ней в отель, он долго стоял под душем, потом сидел в кресле, бессильно уронив руки, глядя сквозь неё. Внимательно присмотревшись, Света поняла вдруг, что перед ней просто смертельно уставший человек.

- Что, Горин, досталось сегодня?

- Ага. Так называемый «брэйнсторм» – мозговая атака. Причём пришлось не только решать проблемы в системе, но и преодолевать проблемы голландского мышления. Я вообще не любитель спорить, но вот – приходится. Ладно, спущусь в бассейн, восстановлюсь. Хочешь со мной?

- Вижу, трудно зарабатываются буржуйские денежки. Я пойду с тобой, но не купаться, не хочу снимать платье, которое ты не заметил, кстати. Годится для завтрашнего Парижа?

Новое платье лежало в багажнике в новом же чемодане, машина неслась по знакомому уже шоссе в Амстердам. Светлана Шатрова, задумчивая, сникшая, молча смотрела в окно на равнинный пейзаж, не видя, листая мысленно недавние впечатления. Фиолетовое небо над Монмартром, запах свежееиспечённых вафель, звуки музыки, речь с грассирующим «р», праздные беспечные люди и она, **как они**, среди них. Казалось, лучше не бывает, так она и заявила Алексу, на что он загадочно усмехнулся. Из Парижа они не вернулись сразу в Голландию, а взяли курс на юго-восток, сначала вдоль Луары с её замками, потом южнее, как она поняла, - в горы. Оставив машину на границе снегов в крохотном полупустом городке, сели в поезд и через час очутились в месте, которое она мгновенно окрестила зимним раем. Невысокие дома с гладкими разрисованными стенами, с дорожками в снегу, пробитыми, словно под линейку, с заснеженными клумбами, подсвеченными розовым и фиолетовым. По дорожке, утопанной так плотно, что каблуки не проваливались в снег, прошли до конца

единственной улицы к дому побольше. Вдоль стен огромного холла было выставлено разнообразное оборудование для лыжников.

- Будем кататься? – спросила почему-то шёпотом.

- Нет, мы же не умеем. Будем ужинать, смотреть, слушать музыку и танцевать, – в тон ей прошептал Алекс.

Со вздохом, почти перешедшим в стон, вспомнила Света полутёмный зал, их столик у громадного окна, откуда открывался вид на долину, покрытую где снегом, где лесом с яркими пятнами городов далеко внизу; такой вид, что захватывало дух. Вино было вкусным, музыка чарующей; так приятно было медленно двигаться в танце. Комната в этом отеле была маленькой, и кровать не очень широкая.

- Интересно, как он выкрутится? – не деревянный же он, – усмехнулась Света, укладываясь, пока он стоял под душем. Но Алекс не прилёг. Включив ночник, раскрыл ноутбук, с которым не расставался, и защёлкал клавишами. На экране мелькали какие-то чертежи. Сглотнув слюну, Света плотно зажмурила глаза. Новое чудесное бельё вдруг стало неприятным.

Машина вкатилась на территорию аэропорта, громадного, как город. Света чувствовала, что просторные здания давят на неё, что яркий свет – сплит. Они оставили автомобиль на стоянке и взошли на бегущую дорожку. Бесконечная лента несла их к кассам по длинному прозрачному коридору. Хоть бы он не кончался! Алекс молчал. Легко держал чемодан и смотрел перед собой, чему-то улыбаясь.

- Он уже не со мной, – догадалась Света. – Забудет через минуту, как посадит в самолёт.

Праздник закончился, «американка» исчерпана до дна. Через семь-восемь часов она дома. Здравствуйте, радостные будни! Весёлая одинокая квартирка, вычурно обставленная, сериалы, серые подруги. Случайные, очень редкие в последние годы, мужчины, одинаково отвратительные. Господи! Хорошо-то как! Ах, как хорошо! Провались оно всё!!!

Алекс взял у неё билет и паспорт и отошёл к конторке, где приветливо улыбалась ему голландочка-кассирша.

Света стояла, глядя прямо перед собой, сцепив на животе руки, не замечая, что мешает людям с чемоданами и тележками. Её о чём-то спросили, хотела ответить автоматическим «нихт ферштейн», но чужие слова споткнулись о ком в горле. Её обходили, благожелательно улыбаясь, никто не возмущался, что, мол, расставилась тут, корова, не пройти. Воспитанные, суки.

Ну да, суки. Ком в горле вдруг пропал. Её звонкий, тренированный голос опытной учительницы раскатился по огромному залу.

- Суки! Суки гладкия!! Ды каб вам павылазила!! Ды гарыце вы усе синим агнём!!! А божачка, а што ж гэта дзееца!

Слёзы заливали лицо, но сквозь пелену она видела, как отшатнулись люди, как нерешительно к ней двинулся молодой красивый полицейский, но Алекс шагнул к нему от конторки и что-то сказал. Тот кивнул, проговорил несколько фраз в переговорное устройство. По громкой связи прозвучало объявление. Света поняла, что о ней. К ней потянулись, гладили по плечу, успокаивали. Высокая женщина отстегнула тяжёлый красивый браслет и протянула ей, как игрушку плачущему ребёнку. Алекс осторожно отвёл её в сторону.

- Что ты им сказал?

- Что ты получила сообщение, которое очень тебя расстроило. Давай прощаться, Шатрова. Тебе пора в самолёт.

- Не поцелуешь меня, Горин?

Оторвавшись от его губ, прошептала:

- Меня лет десять уже, как тошнит от секса, да и раньше особой радости от этого не получала. Но, Горин, мне хочется заняться этим с тобой!! Никогда и ничего так не хотела...

Он не ответил. Только дрогнули уголки рта. Ей показалось, что прочитала по губам имя, которое он почти произнёс, и она взорвалась:

- Да ладно тебе! Юля-Юля... говнюля!!! Что она такого сделала, что её так любят, почему меня так не любили?!

Алекс не ответил. Взяв за плечи, мягко повернул её к эскалатору. Уже поднимаясь, Света вдруг обернулась:

- Я позвоню, а?

Он покачал головой:

- Лучше не надо, подруга. Никогда не звони в прошлое!

